

АНАЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ГЕОПОЛИТИКА
И
БЕЗОПАСНОСТЬ
GEOPOLITICS AND SECURITY

№ 4 (12) 2010

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	3

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ

АКАЕВ А. А. Затаившаяся угроза («Цветные революции» не ушли в прошлое)	9
ИВАШОВ Л. Г. Россия в геополитическом контексте XXI века	20

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

МУРАЙ О. В. Языковая экспансия США и ее манифестация на геополитической карте мира	27
СУХАРЕВ А. В. Этнофункциональная парадигма в геополитике	33
ТЫНЯНОВА О. Н. О пространственной причинности геополитических процессов	37
ШЕСТОВА Т. Л. Геостратегическая концепция Полибия	50

РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

КЕФЕЛИ И. Ф. Геополитический пасьянс сил в Восточной Азии накануне и после окончания Второй мировой войны	55

ГЕОЭКОНОМИКА

ШМЕЛЕВА Е. В. Национальная идентичность в контексте глобализации	68

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

БАЛАХОНСКАЯ Л. В. Рекламная коммуникация в контексте информационной безопасности	72
БОДРУНОВА С. С., БОЛЬШАКОВ С. Н. Политический маркетинг в контексте британской медиаполитики	78
ИЛЬИН И. В., УРСУЛ А. Д. Проблемы безопасности в глобалистике: политический аспект	85

ТАТАРКИН А. И.	
Критические ситуации в социуме и механизмы их нейтрализации	94

ГЛОБАЛЬНОЕ ОРУЖИЕ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

КЫБАЛЬНЫЙ М. В.	
Морская мощь-21 по-американски	104
ТОЛПЕГИН О. А.	
Космические аппараты сверхмалого класса	115

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

БЕЛУКОВА Е. С.	
Шанхайская организация сотрудничества: история формирования и предпосылки создания	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Институт геополитики профессора Дергачева	123
Соловецкий форум-2011 «Геополитика Арктики»	124
Почетный доктор БГТУ «ВОЕНМЕХ»	126
«Россия — геополитический центр мира XXI столетия» (конференция в Челябинске)	128
Научно-практическая конференция «Инновационные технологии и технические средства специального назначения»	130

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДОГОВОР между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений	131
ПРОТОКОЛ к Договору между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (извлечения)	138

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2009– 2010 гг.	146

НАШИ АВТОРЫ	158

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	160

СУХАРЕВ А. В.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ГЕОПОЛИТИКЕ

Общественно-историческая роль географического фактора, являющегося ведущим в классической геополитике, в современном научном самосознании заметно снижается [5]. Все большее значение в общественно-историческом развитии обретают информационно-психологические и культурные параметры. Системный кризис развития человечества требует на современном этапе новых средств, методов и, самое важное, — теории и методологии решения насущных проблем сосуществования народов в экосистеме нашей планеты, другими словами, создание новой научной парадигмы [3] с целью обеспечения устойчивого развития природы и общества. Важнейшим направлением в методологии геополитических исследований, как мы полагаем, должно стать целостное рассмотрение взаимодействия природных (экологических), культурно-психологических и духовных параметров исторического развития человечества.

Современная геополитика учитывает не только пространственные (географические и политические) факторы, но и временные параметры. Последние способны отражать динамику не только природно-экологических, но культурно-информационных и духовных факторов. История природы и общества представлена в психике отдельного человека как история образов этносред или история ментальностей [7]. В развитии ментальности общества и личности происходит постоянное взаимодействие образов, зачастую, самых различных этносред. Взаимодействие этносред влияет на развитие «образной сферы личности» (термин

А. А. Гостева) и, соответственно, на поведение человека и общества [1]. Возникает проблема выявления закономерностей, механизмов влияния ментальности (как образной сферы) на поведение личности и общества. Исходя из изложенных ценностных и методологических оснований, нами были сформулированы теоретические основания, валидизированные в ряде экспериментальных исследований [7].

Произвольный образ этносреды наделяется этнической функцией, интегрирующей либо дифференцирующей его с различными этносредами. В идеале все образы какой-либо одной этносреды являются этноинтегрирующими, а образы различных этносред — этнодифференцирующими. Данный подход мы называем *этнофункциональным*. При этом этническая функция образов должна определяться компетентными специалистами-этнологами по отношению к идеальному прообразу развития (архегении) той или иной этносреды.

Этнофункциональный подход органично дополняет типологический (собственно этно-психологический) подход. Границы их применимости определяются следующим образом: этнофункциональный подход применим для неоднородных этносов, а этнопсихологический — для однородных этносов («приближенных к идеалу», но на практике — только для этнических изолятов). Теоретически можно выделить величину этнической функции. Например, для ментальности русской этносреды в отношении продуктов питания образы репы или чеснока обладают более высокой величиной этноинтегрирующей функции, чем гораздо позже

ассимилированные в русскую ментальность образы банана и авокадо. Образы репы и чеснока более укоренены в русской ментальности по сравнению с бананами или авокадо, в частности, из-за большей длительности периода ассимиляции. Существенно, что наши экспериментальные исследования показывают, что наиболее дискриминантным для уровня психической адаптированности человека является его отношение к этнодифференцирующим и этноинтегрирующим образам природы (ландшафты, климат, животный и растительный мир — т. е. группа ландшафтно-климатических этнических признаков) [7].

Попробуем ответить на вопрос: почему этнические характеристики ментальности являются наиболее существенными характеристиками современного человека и социума? В целях преодоления методологической вседозволенности, характерной для современного кризисного сознания, нам представляется целесообразным введение *принципа исторической актуальности*, выделяющего в ментальности общества ведущие факторы — актуальные смыслы, представления, определяющие развитие культуры и личности в данный исторический период. Вводимый нами данный принцип фиксирует еще один, выделенный П. Н. Шихиревым [8] важнейший методологический признак парадигмы — наличие в ней «базовой науки», признак, характеризующий валидность парадигмы в данный исторический момент, — признак ее исторической актуальности. Бурное развитие естественных наук обусловило историческую актуальность биологической (свойства нервной системы, генотип) и социально-экономической (средства производства, капитал) парадигм, господствовавших в науках о человеке в XIX–XX вв., однако ныне они утрачивают свою прогностическую силу. Исторически более актуальными становятся другие методологические «образцы», ориентированные, в частности, на социогуманитарное знание. Какая же «базовая наука», по П. Н. Шихиреву, является исторически актуальной в современном мире?

На современном этапе исторического развития обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х гг. XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. А. А. Сусоколов полагает, что именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна

выполнять функции «информационного фильтра», оптимизирующего информационное воздействие на современного человека в единицу времени. Этому способствуют такие свойства этноса, как: 1) нормативная целостность; 2) устойчивость этнического статуса личности; 3) стабильность состава; 4) устойчивость во времени. Понимание этноса как «информационного фильтра», отмечает Сусоколов, объясняет возрастание роли этнического фактора в жизни общества в условиях формирования новой информационной ситуации. Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этническим ценностям, представляющимся вечными и незбылемыми. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса, и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов [6]. По нашему убеждению, в современную кризисную эпоху этничность является «болевым точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека, что дает ему чувство уверенности в незбылемости ценностей. Согласно концепции Э. Эриксона в определенные «исторические моменты» происходит радикальное изменение образа мира, рушатся традиционные идеологии, привычный социальный порядок. Человек, воспринимая эти изменения, испытывает чувства тревоги, страха, бессмысленности существования [9. Р. 20]. Такая ситуация обуславливает необходимость поиска новых ответов на вопросы, которые ставит история. Соответствующий ответ предполагает решения, дающие веру и смысл жизни, формирование новых образов поведения.

Следует заметить, что этничность, так же как и в эпоху современного кризиса, играла важную роль и остро переживалась людьми и во времена кризисов прошедших эпох. В исторической литературе описано огромное количество таких примеров. В частности, эпоха правления римских императоров Цезаря и Августа (I в. до н. э.), по единодушному мнению большинства исследователей являвшаяся периодом кризиса, характеризовалась «смешением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты—изношенности, измельчания характеров» [4. С. 179, 180]. Кризисным был также, например, исторический период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последний период маньчжурской династии

Цин (конец XIX – начало XX в.), завершившийся превращением Китая в слабое государство, практически обслуживающее интересы Европы и США. Причиной успешности проникновения иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэцзюаней («боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами — не нарушать заветов родителей и обычаи (не быть жадными, не развратничать и т. п.), уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников — представителей этнически чуждой маньчжурской власти [2. С. 59].

Приведенные выше рассуждения дают основания полагать, что именно этничность в условиях современного кризиса является исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, а этнология — базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения. Теории, построенные на данной методологии, позволяют связать частные и эмпирические факты и закономерности с философскими, социологическими, психологическими и даже богословскими концепциями. В целом этнофункциональная парадигма в науке включает ряд методологических принципов: этнофункциональности, системности, этнофункционального единства микро- и макрокосма, принцип этнофункционального детерминизма. В процессе теоретико-экспериментальных исследований установлено, что общая способность человека преодолевать различные жизненные проблемы, понимаемая как ее адаптационный психологический потенциал (энергия личности), является результатом приближения развития содержания структуры ее образной сферы к этнофункциональной архегении данной этносреды.

На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма мы, по аналогии с развитием ментальности личности, полагаем, что возможность общественного субъекта (этносреды в целом) преодолевать возникающие в его ментальности проблемы также определяется степенью приближения данной ментальности к этнофункциональной архегении. Указанные проблемы могут иметь духовный, политический, экономический, военный, культурный, биологический и пр. характер. Важно, что для решения возникающих проблем ментальности этносреды, с одной стороны, необходимо учитывать представления наиболее древних этапов ее развития, а с другой — систему современных научных представлений. Древние образы выполняют, как и в случае индивидуального развития,

мотивационную функцию, а развитые научные представления — инструментальную. С этих позиций стратегически наиболее перспективной в современном мире является китайская ментальность. В современном Китае, с одной стороны, активно поддерживаются традиции тысячелетней давности, с другой — ускоренными темпами нарастает технологическая оснащенность и развивается фундаментальная наука. Ни один из исторических этапов развития ментальности Китая, включая коммунистический (!), не подвергается дискредитации и уничтожению.

В процессе взаимодействия этносред возникает задача сохранения и повышения их энергетического потенциала. Данную задачу мы определяем как задачу информационной безопасности этносред и этносферы в целом. Информационная безопасность, с наших позиций, понимается как этнофункциональная безопасность и, прежде всего, безопасность ментальности как системы образов. Однако этнофункциональный подход в геополитике помимо собственно географических факторов учитывает влияние на поведение человека и общества образов растительного и животного мира, климата, мифологических, религиозных и научных представлений, а также факторов, которые ранее рассматривались философами и исследователями как совершенно особая группа, вне какой-либо позитивно определяемой связи (на практике) с другими факторами. Речь идет о трансцендентных факторах, т. е. идеальных образах всего сущего — духах природных стихий, «мира невидимого», высших сущностях мировых религий. В связи со сказанным выше, определим этнофункциональную информационную безопасность как сохранение и повышение энергии этносреды в процессе восстановления в ее ментальности идеального прообраза развития данной этносреды (этнофункциональной архегении этносреды). Информационная безопасность обеспечивается двумя взаимосвязанными направлениями приложения сил, условно обозначаемыми как *активная* (наступательная, внешняя по направленности) и *пассивная* (оборонительная, внутренняя) безопасность.

1. Главным направлением во внутренней, пассивной информационной безопасности мы полагаем правильную организацию системы образования — от детских садов до вуза (оптимальное планирование развития системы на срок не менее 25 лет), а также максимальное использование для этих целей СМИ [7].

2. Внешняя или активная этнофункциональная информационная безопасность имеет целью разрушение этнофункциональной целостности (этноинтегрированности) ментальности этносреды предполагаемого противника. Для этого могут быть использованы различные средства информационно-культурного взаимодействия, в процессе которого в ментальность этносреды противника внедряются этнодифференцирующие образы. При этом необходимо преобладание именно «экспорта» продуктов культуры, питания, культурных традиций и т. п.

Конструктивное направление во внешней политике мы рассматриваем как стремление к идеалу *этнофункционального глобализма*. Данное понятие мы определяем как современную спецификацию представления К. Н. Леонтьева о «цветущей сложности» во взаимодействии народов. Суть этнофункционального глобализма во внутренней и внешней политике состоит в том, чтобы этнофункциональные инструменты воздействия на ментальность как отдельной этносреды, так и этносферы планеты в целом достигли оптимума во взаимодействии народов. В этом смысле можно говорить об этнофункциональной идеологии как новом типе геополитического мышления. Данная идеология содержит в себе необходимый, экспериментально обоснованный теоретический аппарат для «тонкой дифференциации» взаимодействия

народов Земли в таких областях, как конфессиональная, культурно-психологическая, антропологическая, а также трансцендентная — на основе этнофункциональных закономерностей, дополняющих традиционный в науке типологический подход в этнологии, истории, психологии, культурологии и др. науках.

Примечания

1. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
2. *Ефимов Г. В.* Ихэцзюань // БСЭ. 3-е изд. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 59.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
4. *Моммзен Т.* История Рима. Л.: Лениздат, 1993. С. 179–180.
5. *Мухаев Р. Т.* Геополитика. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 17.
6. *Суколов А. А.* Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
7. *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
8. *Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора психол. наук. М.: 1993.
9. *Erikson E.* Life history and the historical moment. N.-Y.: Harper and Row, 1975.

